

Андрей Драгунов

посёлок

будничные стихи

Андрей Драгунов посёлок. будничные стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23283848

ISBN 9785448387579

Аннотация

Благодаря помощи РУССКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МИССИИ и Евгения ПРИМАКОВА, не только «ПОСЁЛОК», но и другие книги находят своего читателя.

Содержание

Штрих-пунктир	6
«В окне – не то чтобы пейзаж – дома и снег...»	7
«...и тишина, доставшаяся от...»	8
«Глупо спрашивать птицу – где край земли...»	9
«1...»	10
«Из коридора – в комнату – запах замёрзшей копчёной рыбы ...»	12
Посёлок	13
«На столе, сквозь скатерть, капля... Жира, смолы?...»	14
«Старушка в берете, поверх него белый платок...»	15
«Мне было холодно, я кутался в пиджак...»	16
«...хороший, белый, чистый снег ...»	17
«Цветы дрожат. Замёрзшие цветы ...»	18
«Сплошной белый цвет, рассыпавшийся вокруг...»	19
«Не лес – огромный злой – над головой ...»	21
Без названия	22
«Как из мешка, из кармана высыпается медь...»	26
«Мне – как будто бы – слово. Я – как будто бы – без языка...»	28
«Ничего нет слаще – раскуренной вечером	29

трубки ...»	
«Каждое утро, просачиваясь сквозь толпу...»	31
«...на девятый день, рано утром – вдруг – оживает штора...»	32
«Подъезд. Чугунная ограда...»	34
«В конце концов – все состарившиеся коты ...»	35
«Срывается, как слово с языка...»	36
«Тело не двигается. Холодно и темно...»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

посёлок
будничные стихи

Андрей Драгунов

© Андрей Драгунов, 2017

ISBN 978-5-4483-8757-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Штрих-пунктир

До недавней поры я не знала поэта по имени Андрей Драгунов. Теперь вот не только знаю, но люблю. Слова дрожат, требуя успокоительных тире, строфы борются с аритмией и побеждают её. Что-то очень знакомое, и что-то абсолютное своё, штучное в прозаизмах и поэтизмах Андрея Драгунова. Напрашиваются в сравнение поэзия Бродского, музыка Шнитке. И это в порядке вещей. Все что-то напоминает. Лишь пустой голове ничто не напоминает ничто. Подлинность поэта – и в его обособленности, и в его всеобщности. Оказавшись в «сумрачном лесу» Данте, поэт, один на один с «кубатурой векового пространства», а попросту, в комнате коммунальной квартиры города Волгограда, создал свой, особый, доселе неслыханный мир. Он назвал его «Поселком». В этом «Поселке» я теперь живу, чего и всем желаю.

Елена Макарова

«В окне – не то чтобы пейзаж – дома и снег...»

В окне – не то чтобы пейзаж – дома и снег...
и тоже – окна – как-то сиротливо —
почти без света, видимо, для тех,
кто рано утром – мимо, мимо. Мимо,
чтобы не видеть, не считать углы,
не быть свидетелем какого-нибудь спора,
не задышаться от чужой беды...
не быть участником пустого разговора...
не соболезнавать. Окно, пейзаж и снег —
трагедия в развитии. Начало!
Мавр – мордой – в белое... Платок, негромкий смех...
Гондола разбивает край причала.

декабрь 7. 2016 год

«...и тишина, доставшаяся от...»

...и тишина, доставшаяся от
оркестра, что уже сошёл со сцены
под шелестение вневременных цветов,
под мат рабочих – в синем – непременно,
под улюлюканье уборщиц... Тишина!
Вода в гримёрке выпадает – громче,
чем плачет скрипка... Не её вина,
что выгнали её в мороз на площадь
и там оставили. Смычок, как острый нож,
вскрывает вены и... терзает ухо.
Собаку вечером под фонарём найдёшь —
и рядом с ней, как дряхлая старуха,
уляжешься, чтоб тихо завывать,
не беспокоя выпивших соседей,
что спят уже... Оркестр, твою мать,
закончил выступление... Неделя
кончается. Ни звука, ни души!
Какое нынче в списке «Время года»?..
Собака спит. Все суки – хороши!.. —
после заката, то есть – до восхода.

декабрь 8. 2016 год

«Глупо спрашивать птицу – где край земли...»

Глупо спрашивать птицу – где край земли,
ибо сама не в курсе – откуда ветер
и в какую сторону выруливают корабли...
вялый, скомканный парус – последнее, что на свете —
из направлений. Облако тешит глаз —
только присутствием – мучнистый, белёсый остров
в звёздных обломках, как будто бы напоказ!
В каплях воды – без лишних уже вопросов,
ибо – декабрь и не о чем говорить.
Воспоминание – только – терзает душу,
или сомнения... Стоит ли дальше жить!..
чтобы увидеть замёрзшее фото в луже
или всё тот же безликий мучнистый край
из-за которого птица – ни сном, ни духом —
о направлении ветра... Пойди – узнай,
где начинается медленная разруха.
И не спросишь у птицы, даже, как там – в Раю...
так как – только Ангел – оттуда несёт известья —
даже те, о которых вечером – не поют —
во время дождя, чтобы не портить песню.

декабрь 10. 2016 год

«1...»

1

Глаза не спрятать за стекло окна —
от наводнения, что сутки через крышу
на подоконник – будто не зима...
и не метель, а капли нужно слышать
и наблюдать их в свете фонаря,
когда сквозь лампочку, как будто через штору,
во все отверстия на крыше норовят
залить пейзаж – не декабря, который —
не календарный, судя по всему...
Почти случайный. Только междометья —
про чью-то мать!.. про странную игру
дождя и снега в бледно-жёлтом свете —
настойной лампы или за окном.
Морзянка неба – точками – по сердцу,
тире – по нервам, точно – молотком,
или... серпом – излюбленное средство —
расправиться уже с календарём —
холодною водой и грязным снегом,
собачьими следами – окоём
замёрзшего окна и... санным следом
в том же окне, дальше – за него,
куда и глаз уже едва хватает,
чему виной замёрзшее стекло,

что, точно штора, вид перекрывает.

2

Воскресенье. Декабрь. Шестнадцать... Пять тридцать утра.

Просветление в комнате от фонаря напротив.

Просыпаешься рано, так же, как и вчера...

и, может быть, завтра – Ангел не будет против
и разбудит утром... и даст разглядеть в окне —
кто там ещё в сугробе расстался с жизнью,
став только тенью на гладкой, как лёд, стене
или нелепой, проснувшейся утром, мыслью.

декабрь 11. 2016 год

«Из коридора – в комнату – запах замёрзшей копчёной рыбы ...»

Из коридора – в комнату – запах замёрзшей копчёной рыбы —

кто-то к обеду вернулся с рыбалки с большим уловом и теперь все стены пропахнут лещом, судаком...

Приливом,

то есть – всем тем, от чего не избавишься добрым словом.

Лишь сигаретами – только – и вытравишь этот запах!

Никакая химия – с её невообразимым вкусом —

не справится с тем, что теперь у всех соседей на завтрак, то есть, с тем, с чего начинается каждое утро.

декабрь 11. 2016 год

Посёлок

Не слушай выкрики бесноватой соседки в форточку —
горе её безмерно — после потери сына, будущего
и хлебной
карточки...
не смотри в её сторону — можешь остолбенеть
и ослепнуть,
потому что взгляд у неё, как и слова её — крепкий...
и не меркнет, даже, когда молчит и говорить ей нечего —
по любому поводу. Не тускнеет — ни днём, ни вечером.
Ей без надобности чьи-то слова понимания...
не просит к себе — ни хорошего отношения, ни внимания.
Ей не надобно, в сущности, даже течение времени —
смотрит в окно, подперев подоконник тупыми коленями
и... считает вечность, которая ей осталась —
после смерти сына... Всё остальное — такая малость!
По сравнению с вечностью — меркнет, даже!.. хлебная
карточка...
и простуда — с кашлем и насморком, что через форточку.

декабрь 12. 2016 год

«На столе, сквозь скатерть, капля... Жи́ра, смолы?..»

На столе, сквозь скатерть, капля... Жи́ра, смолы?
Столько лет стол на кухне – смола не должна сочиться...
Но, ведь, плачут в церкви иконы – не от жары!.. —
только тогда, когда что-то должно случиться...
или – кто-то умер уже... По нему печаль —
проступает сквозь скатерть?.. Он ли всему причина?
Или что-то другое, чего бесконечно жаль?.. —
от чего влажнеют глаза, даже, у мужчины,
или, как у дерева – только одна леза,
но с хорошую бусину, чтоб точно – уже на память —
не из-под скатерти, что будет лежать всегда —
будто нарочно, чтобы её руками
тёрли и пачкали. Пальцами через ткань,
не утруждаясь с пальцев стереть изнанку —
тонкие линии, что, как всегда – за грань —
дальше обычного, как в снегопад на санках...
или пешком по городу – через снег,
чтобы не видеть больше пятна на ткани...
Жи́ра? Смолы?.. – всего, чем печален век,
то есть – всего, что – только уже – на память.

декабрь 12. 2016 год

«Старушка в берете, поверх него белый платок...»

Старушка в берете, поверх него белый платок,
в валенках, с сумкой, с какой-то бесцветной палкой —
пересекает, утром возникший, на месте лужи каток.
Лужа замёрзла и... ей никого не жалко.
Ближе к земле — колени — ближе к воде...
или ко дну — замёрзшей холодной лужи —
что-то знакомое... Где это было? Где?
Где-то, наверное, было... Декабрь. Стужа...
и отражение, но не в воде — в стекле
маленькой булочной, где над дымящимся хлебом —
женщина в белом берете и в белом платке —
плакала горько, как снегом декабрьское небо —
вспомнила что-то... Декабрь. Война. Ленинград.
Чёрная корка из клея и пекарских сказок —
слаще была, чем — для внучки её — шоколад...
Пекаря — жалко — от голода умер, ни разу
крошки не взяв со стола... Просто лёд и декабрь.
Просто хрустит под ногами замёрзшая лужа...
Просто тот пекарь — мукой — засыпает всё... как бы.
Белый берет и... платок — не особенно нужен.

декабрь 12. 2016 год

«Мне было холодно, я кутался в пиджак...»

Мне было холодно, я кутался в пиджак
и вспоминал – как летом было жарко.
Ругался на жару, что тот дурак —
на женщину с веслом в алее парка —
за непристойный вид и за весло,
что, якобы, не так оно должно быть...
Теперь алею снегом занесло —
после листвы и мусора... Веслом бы
всё разгрести, но нем к воззваниям парк!
Собаки метят островки газона...
и почтальонша, точно на пожар,
разносит извещения из зоны...
А было время – первый секретарь —
сам – приезжал разглядывать руины —
о чём молчит единственный фонарь
и женщина с веслом та, что из глины,
но с нежною душой. Молчи! Терпи!
Муж – пьяница – не бьёт, значит – не любит...
Молотобоец, мать его дери!.. —
А как же – без любви! Скажите, люди.

декабрь 13. 2016 год

«...хороший, белый, чистый снег ...»

...хороший, белый, чистый снег —
грех по нему топтать ботинком.
Отпущенный на волю человек —
досрочно – согревается соринкой
в своём глазу... Свободная слеза —
не первая – но первая на воле.
Слепит от белого... как в церкви образа...
и дух хмельной гуляет на просторе.
Таксист везёт в чужую – пока – даль —
там где-то адрес, где его забыли...
и от того – в глазах его печаль —
а был ли тот, которого любили?..
Должно быть был... Колёса крошат снег.
Пейзаж зимы расчерчен проводами...
У Блока – в венчике какой-то Человек,
а хочется, увы, к прекрасной даме...

декабрь 13. 2016 год

«Цветы дрожат. Замёрзшие цветы ...»

Цветы дрожат. Замёрзшие цветы —
не сорванные летом для любимых,
не собранные в радостный букет,
в котором лета яркие черты,
что к осени — всегда — неуловимы
и для которых — продолженья — нет,

из-за того, что краток век цветов —
не многие до снега доживают,
чтоб спрятать от мороза лепестки —
не всем доступна тишина садов,
где стружкой и опилками спасают
от холода и, даже, от тоски...

и из-под снега яркие цвета —
выглядывают, как напоминанье,
что жизнь, порой, бывает коротка —
один сезон и ...кончена игра —
зима, мороз, отсутствие вниманья...
любовь прошла до третьего звонка.

декабрь 13. 2016 год

«Сплошной белый цвет, рассыпавшийся вокруг...»

Сплошной белый цвет, рассыпавшийся вокруг.
Слушаю Баха, чтоб справиться с просветлением —
так, вдруг, случившимся... образовавшимся, вдруг...
и хочется выпить, чтобы не портить зрение...
Сплошные ангелы!.. — хватило бы одного.
Максимум — двух... И облака, чтобы видеть —
с той стороны случившееся и... Самого...
и, как их там — перья, перья... Нет — крылья, крылья!
Это — зима в развитии, как — кино —
в самом начале — титры, потом — с экрана —
вдруг — выливается — в зрителя — молоко...
Кресла зелёные в пятнах, как будто — в ранах...
или собака подпортила внешний вид
мелкими каплями, скрасив безмерно-белый,
что постоянно в форточку норовит —
то ли украсть, то ли гадость какую-то сделать,
как, уже убежавший, заливший плитку, кисель.
Никакие ангелы не смоют следы побега,
что идут по белому, за горизонт — отсель,
где всё те же ангелы и больше — немного — снега,
соответственно — белого больше... и меркнет глаз,
не находя сравнения в этом белом...
и только ангелы, как будто бы — напоказ —

всё засыпают неистребимым снегом.

декабрь 14. 2016 год

«Не лес – огромный злой – над головой ...»

Не лес – огромный злой – над головой —
пустое небо в язвах самолёта,
что медленно их тащит за собой,
чтоб всем была видна его работа.
Его участие в Божественной игре —
земли и неба, что неисполнима —
лишь лётчиком, пропеллером... в крыле —
полоска облака, что пролетает мимо —
и где-то там, в небесной тишине
теряется – лоскутным одеялом
из звёзд, что падают – от них – сюда – ко мне...
и медленно, как будто бы сначала
всё начинают, как в последний раз...
и ждут, что их когда-нибудь поймают —
хотя бы на мгновение – сейчас —
когда никто об этом не узнает.

декабрь 17. 2016 год

Без названия

«Так, Нашедший подкову

Сдувает с неё пыль...»

Осип Мандельштам

Как будто – не потеряна подкова...

и счастье где-то рядом... Но тоскливо.

Почти удушье. Скомканная радость...

Неразорвавшаяся бомба с самолёта —
ещё тогда...

Как больно и как страшно —

не быть убитым!.. Жить до самой смерти!

Смотреть – как часто умирают рядом

знакомые тебе. Друзья, соседи...

все те, кто долго помнил о тебе —

всю свою жизнь. Писал воспоминанья —

о видимом – тогда ещё – в начале,

когда все были радостны и живы...

а собранный букет простых ромашек —

казался чем-то необыкновенным —

почти, как факт – рождения и смерти.

Из косточки пророщенный росток —

из ничего – можно сказать – из духа,

из слова, то есть, из воспоминанья —

о том, как всё когда-то начиналось.

Как первый вздох среди травы – на волю,
чтоб слиться с облаком и стать такой же пеной
для окружающих – и плыть куда захочешь,
не слушая запреты очевидцев,
и быть теперь, в конце концов – свободным.
И различать по цвету облака —
какое – где – пересекло границу,
в каких краях исследовало жизнь
во всех её возможных вариантах,
что при сравнении оказываются —
одним и тем же —
вполне пригодным для существования,
даже, когда исчезает вообще желанье
и причина – жить.
Когда никакими словами не выговорить – До свиданья...
ибо – будет не правда,
а какая-то смесь нечленораздельных звуков
с остывающим воздухом,
что прямо у горла становится препинанием —
поименуешь его – не расстанешься с ним вовеки —
будешь пожизненно расплачиваться за сказанное.
Знал бы Создатель, когда наградил нас речью —
куда заведёт —
точно бы рты залепил нам глиной...
или жаренным воском.
И чтоб фитилёк дымился,
напоминая дурням – за что расплата —
чтобы только скрипели раскаченными деревьями...
Смотришь на дела рук своих, описанные словами —

лучше бы – точно – нем был, как озёрный окунь.

Хлопаешь молча жабрами, чешешься плавником
о камень —

никакого смысла —

всё сохраняется в своём первозданном виде.

Но когда вода, озвученная тобой,
выливается на стол, за которым пишешь —
это становится жизнью.

И первое сказанное слово – будет последним.

Голос в форме застывшей в воздухе буквы «Ж».

Говорить больше нечего.

Всё, что было можно и всё, что хотел сказать – сказано.

Речь переходит на невообразимо-птичий,
не фиксируемый приборами – клёкот. Щебет.

Иногда, отдыхая на верхушках старых сухих деревьев,
различаешь в низу кого-нибудь с карандашом
и блокнотом —

глухо-немого —

чёрточками пытающегося сохранить увиденное Время.

Хотя бы – фрагмент – всё, что возможно доверить бумаге.

Голосу, воздуху, горлу, губной гармошке,
что исполняет всё, что ты ей надуешь...

Чешуйки листьев на вытоптанной сухой земле.

Я пишу это – уже не срываясь на крик – от боли...

Или – не я.

Или я кричу, но где-то внутри – желудком,
двенадцатиперстной кишкой, печёнкой,
так-как больше нечем —

сердце состарилось в самом начале —

благо, был выходной, и никто не заметил
моё состарившееся сердце...

И теперь я шепчу – Господи —
сосчитай моё время, чтобы запомнить
и сосчитать страницы, чтобы хватило вписать в них
слова,
что ещё остались – не произнесёнными...
Чтобы хватило места – выдохнуть всё,
что Ты нашептал мне раньше —
ещё до рождения.

декабрь 18. 2016 год

«Как из мешка, из кармана высыпается медь...»

Как из мешка, из кармана высыпается медь
на мостовую, булыжники тербя,
шлифуя грани, которым долго ещё терпеть
все наши пальцы, то есть – тебя, меня...
ещё кого-то, кто был здесь назначен жить —
в этом пространстве, кто был здесь поименован,
чтобы быть различимым, с возможностью отличить
от кого-то другого, кто назван был по-другому —
не как другие, кто был здесь ещё вчера,
но куда-то – скоро – отправился нынче утром —
со всеми пожитками, как будто бы навсегда...
В полной уверенности, что скоро его забудут,
а если и вспомнят, то только случайно – раз —
при оформлении какого-нибудь завещанья,
где всё на продажу, то есть – уже – напоказ —
плюс-минус проценты за выслугу и страданья —
оптом – во всех подробностях – каждый миг —
из незабытого. Память блажит с устатку,
комкая гласными членораздельный крик,
чтобы ни звука больше – в сухом остатке...
и никаких волнений, тем паче – слёз.
Выглянешь утром в форточку – жди несчастья,
как пятачок – за ножик – почти всерьёз,

чтобы не быть убитым соседкой Настей
или Варварой – за рубль с мелочью – на пропой...
Дедушка, дедушка, где у тебя заначка?..
Вон, сундучок с припасами, но... пустой...
Мелочь на камушки... сдача!.. никак иначе.

декабрь 18. 2016 год

«Мне – как будто бы – слово. Я – как будто бы – без языка...»

Мне – как будто бы – слово. Я – как будто бы – без языка.
Только пальцы ещё понимают чернила и ручку,
и бумагу, что точно жена – хороша и близка,
и почти безотказна, как стих – к юбилею – на случай...
и почти говорю – только шёпотом. Вялый язык
застревает в зубах, пропуская сквозь них междометья,
как какую-то ересь, к которой за годы привык...
и, как будто бы, даже, уже – ни за что не в ответе...
но чернеет стекло – отражение меркнет совсем,
как, как будто – не зеркало – так – бесполезный осколок,
приспособленный только для украшения стен —
закрывает дыру на обоях, как какой-нибудь войлок.
...и морозом немеют слова, речь сосулькой висит
на остывших губах, преждевременно сдавшись морозу —
будто в плен или рабство... и там сиротливо звучит,
но не слышно почти... и, как будто, уже – не серьёзно.

декабрь 19. 2016 год

«Ничего нет слаще – раскуренной вечером трубки ...»

Ничего нет слаще – раскуренной вечером трубки —
под стакан хорошего старого конька,
когда день уже прожит и кончились злые шутки
пьяных соседей... и спит подо льдом река.
И почти не видно в окне, в темноте деревьев —
только кое-где – на ощупь почти – из мрака
выступают ветки, которые, если верить
биологии – точно знают как жить без страха,
то есть, без предрассудков... Без вымысла и надежды
на что-то большее, чем сгинуть в аллеях парка,
где почти бессмысленно, не так, как бывало прежде —
существование, тем более, что – не жарко
в это время года и... выглядит всё уныло,
и холодный воздух просачивается сквозь раму,
сквозь зашторенный сумрак – туда, где уже остыло
происходящее, не освещённое лампой...
но дымок клубится – раскуренной тёплой трубки,
завиваясь кружевом в тусклом пространстве дома,
где уже не слышны – ни разговоры, ни шутки...
и не шелохнётся на окне зелёная штора.
И портреты близких – только – свидетели жизни —
тоже молча, как будто бы не отсюда,
что вполне естественно, наверно, в каком-то смысле,

ибо, только в детстве веришь в возможность чуда.

декабрь 20. 2016 год

«Каждое утро, просачиваясь сквозь толпу...»

Каждое утро, просачиваясь сквозь толпу,
мужчина в зелёном пальто ходил на работу,
по пути изучал витрины, то есть, ту пустоту,
из-за которой – чаще никто, чем кто-то.

Даже ничто. Невидимо сквозь стекло.

С той стороны, откуда – слова и лица...

и другие предметы, которые нанесло,
как песок на берег, собранный по крупитам
с целого света... и это не в первый раз...

И мужчина в зелёном пальто каждый день сначала
всё начинает, как будто бы здесь и сейчас
всё и закончится – медленно и печально...

Каждый день – на работу – теряясь в глухой толпе,
распознавая только чернила стёкол,
мужчина в зелёном пальто с холщёвой сумкой в руке —
почти не заметен, как – уже – тень кого-то.

декабрь 20. 2016 год

«...на девятый день, рано утром – вдруг – оживает штора...»

...на девятый день, рано утром – вдруг – оживает штора.
В коридоре пахнет пылью, соседской собакой
и перегаром —
тоже соседским. Срубленной веткой еловой...
а ещё – горсткой пепла, как будто бы... после пожара.
Пахнет кислыми щами, ещё – колбасой и водкой...
Жизнь продолжается, как ни в чём ни бывало.
За столом всё те же, включая приезжую тётку,
которая до этого – ни разу не приезжала.
Не писала открытки к майским и к Новому году —
теперь сподобилась – благо, нашёлся повод...
и, как будто бы, всё выглядит по-другому,
и, как будто бы, мы всегда были с ней знакомы.
От неё пахнет поездом, курицей и туалетом,
«Красной Москвой» и чем-то приторно сладким —
если б не поезд – подумал бы про конфеты...
и у неё диабет, поэтому с сахаром – всё в порядке,
как со взвешенной пылью в воздухе, от которой пепел —
на книгах и мебели, на всём, что способно помнить
происходящее, то есть – всё зло на свете —
за все девять дней, которые, аккурат – сегодня...
и теперь, наверно, вместе с ожившей шторой —
на всю оставшуюся – с плачем и криками – Горько!.. —

по любому поводу, даже, в честь именин, которой
девять дней сегодня... и выплачена неустойка
за просроченный вексель, выданный при рождении...
Слишком долго жизнь ей казалась – почти что Раем...
и теперь – вычитанием и иногда делением
обозначается всё, что, увы, за краем,
за колючей проволокой памяти, за сплошным забором,
откуда – ни то, что выйти – послать известие —
проблематично... Оригинал с повтором —
во все подробностях – рядом, то есть, на месте...
и теперь, как будто бы, даже, глядит с укором
за селёдочный борщ, за то, что – уже – не вспомнить...
за то, что слишком быстро – за разговором —
промелькнули дни... и уже – девятый – сегодня.

декабрь 21. 2016 год

«Подъезд. Чугунная ограда...»

Подъезд. Чугунная ограда
ступеней. Чей-то белый след —
чуть впереди, как будто рядом,
но никого чуть выше нет —
лишь еле уловимый запах
духов – цветочный аромат —
среди зимы... О, как внезапно!..
Как неожиданно! Стократ
жалею, что я не увидел...
и след совсем уже исчез
на дне зимы... Чугунных линий
остался только – вечный срез.

декабрь 21. 2016 год

«В конце концов – все состарившиеся коты ...»

В конце концов – все состарившиеся коты —
приходят на берег, где терпеливо ждут свою лодку
и последнюю порцию докторской колбасы,
и радуются тому, что жизнь не была короткой,
а, даже, длиннее, чем кажется на первый взгляд...
Все дети выросли. Жена умерла чуть раньше,
чем того хотелось бы... На берегу отряд
состарившихся котов ожидает – что будет дальше,
ибо – скоро утро, процеженное сквозь песок
и вода подбирается всё ближе, всё ближе... Ближе,
наступая – уже – на скрученный коготок,
что почти увяз в холодной, бесцветной жиже...
и теперь отсюда, видимо, только – в Рай,
где кусочек докторской положен по расписанию,
по чьему-то хотению, кто чаще других молчал,
но всегда выполнял любое твоё желание...
и теперь он рядом... и лапы, усы и хвост,
и потёртая шкурка – не более, чем оплата —
за хорошую жизнь. Вот ветер листву принёс...
и волна длиннее, и... тянет кота куда-то.

декабрь 22. 2016 год

«Срывается, как слово с языка...»

Срывается, как слово с языка,
снег с дерева и сыпется на землю —
сам по себе – не чья-нибудь рука
с чернильной ветки сорвала. Деревья,
под тяжестью незавершённых дел,
ссыпают со снежинками остатки
сухой листвы, что ветер не успел
сорвать до декабря. Мгновенья кратки
и прячутся, чтоб не попасть под снег,
не стать следами чьих-нибудь ботинок,
когда по парку зимний человек
пытается пройти мимо снежинок,
чтоб не задеть случайно... Не спугнуть.
Не потревожить жестом и дыханьем.
Стать родственником снега – на чуть-чуть,
чтобы найти морозу оправданье.

декабрь 22. 2016 год

«Тело не двигается. Холодно и темно...»

Тело не двигается. Холодно и темно.
Ищешь на небе Бога – находишь тучу.
Спрашиваешь – До коле... но никого,
кто бы ответил. Какой-то несчастный случай,
плюс – отсутствие в доме горячей воды.
Пальцы немеют от холода, как от страха.
Ко всему вдобавок – минус – запас еды —
до потепления, которого – кот наплакал
в ближайшие месяцы. Кажется – навсегда.
Тянешь за ниточку – сыпется вся верёвка.
Температура стынет, что та вода
в тонком стакане, то есть, становится жёсткой —
не различимой, то есть, уже для рук.
Пальцы цепляются – краешек тонкий рвётся —
это уже не страх, а простой испуг...
или привычка – как-нибудь обойдётся...
Просто дышать на пальцы, пока тепло —
это дыхание, пока шевелится штора,
из-за которой выглядывает окно,
но не замёрзшее – впику зиме, которой —
что ещё впику... Выжить! Зима и снег.
Строчки, замёрзнув, тоже ползут куда-то —
ближе к дыханию. К выдоху. Краток век.

Туча, замёрзнув, тоже ползёт обратно,
чтобы согреться и выглядеть, как всегда —
не как вода в стакане, как Божье око...
Я сижу на стуле и думаю что – не беда
вся эта морозь... Лишь бы – не одиноко
и не тоскливо совсем посреди зимы...
Кто-то глядит на лампочку, как на солнце...
Лишь бы не отняли память, как раньше сны...
и не замёрзло бы только моё оконце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.